

Ангел Богданович

**Полное собрание сочинений П.
И. Мельникова**

Ангел Иванович Богданович
Полное собрание сочинений
П. И. Мельникова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815804

Аннотация

«Среди бытописателей русской жизни одну изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ представляетъ Мельниковъ, псевдонимъ Печерскій, извѣстность котораго въ большой публикѣ распространили его послѣднія два крупныхъ произведенія "Въ лѣсахъ" и "На горахъ". Въ 70-хъ годахъ, когда эти бытовые романы печатались въ "Рус. Вѣстникѣ", имя Мельникова ставили на ряду съ Тургеневымъ и Гончаровымъ, а литературная партія, къ которой принадлежали Катковъ и Леонтьевъ, превозносила его превыше пирамидъ...»
Произведение дается в дореформенном алфавите.

А. И. Богдановичъ

Полное собраніе сочиненій

П. И. Мельникова

Среди бытописателей русской жизни одну изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ представляетъ Мельниковъ, псевдонимъ Печерскій, извѣстность котораго въ большой публикѣ распространили его послѣднія два крупныхъ произведенія "Въ лѣсахъ" и "На горахъ". Въ 70-хъ годахъ, когда эти бытовые романы печатались въ "Рус. Вѣстникѣ", имя Мельникова ставили на ряду съ Тургеневымъ и Гончаровымъ, а литературная партія, къ которой принадлежали Катковъ и Леонтьевъ, превозносила его превыше пирамидъ. Его сравнивали съ Гомеромъ, видѣли въ его романахъ новое откровеніе, всю глубину народной жизни и мудрости, а въ авторѣ усматривали чуть ли не того провиденціального челоуѣка, которому удалось, наконецъ, найти истинные устои народнаго уклада и народной души. Его цитировали, какъ великаго знатока народнаго быта, на него ссылались, имъ аргументировали. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что шумъ дѣлала реакціонная партія. Противная сторона больше отмалчивалась и серьезной критикѣ не подвергала его произведеній, ограничиваясь только признаніемъ несомнѣннаго таланта за авторомъ вездѣ, гдѣ онъ описываетъ бытъ Заволжья, преимущественно

но одного его уголка, и жизнь раскольниковых скитовъ.

Теперь имя Мельникова уже исторія, и о немъ можно говорить совершенно спокойно. Изданное М. Вольфомъ полное собраніе его сочиненій даетъ достаточный матеріаль для оцѣнки оригинальной личности Мельникова – безъ преувеличеній, съ возможной объективностью при оцѣнкѣ его интересной литературной фізіономіи.

Мельниковъ представляетъ особый типъ писателя, который можно сравнить съ двуликимъ Янусомъ, и эту его двуличность не обойдетъ никакая, самая объективная критика. Иначе его нельзя понять и объяснить, какъ только разсмотрѣвъ въ отдѣльности каждое изъ его лицъ: лицо житейское и лицо литературное. Прежде всего предъ нами чиновникъ, и притомъ не просто чиновникъ, выполняющій съ достоинствомъ вниманіемъ возложенныя на него обязанности, а сыщикъ-доброволецъ, съ вдохновеннымъ увлеченіемъ выполняющій принятую на себя миссію. Вначалѣ учитель гимназіи, онъ скоро понялъ, что не въ этомъ его призваніе. Уловленіе юныхъ душъ не давало удовлетворенія его природнымъ дарованіямъ и очень скоро по выходѣ изъ Казанскаго университета мы его видимъ съ жаромъ и усердіемъ челоуѣка, нашедшаго свой путь, въ роли сыщика по расколу, учиняющаго энергичный сыскъ въ этой богатой для изслѣдователя области. Онъ носится по Нижегородской губерніи, осматриваетъ скиты, заглядываетъ въ молельни и пишетъ, не покладая рукъ, доносительныя записки и проекты о мѣрахъ къ

сокращенію раскола.

Время тогдашнее, сороковые годы, было жестокое мрачное время, и такіе люди, какъ Мельниковъ, съ его энергіей разрушителя и страстью прирожденнаго искоренителя, были чистымъ кладомъ. Какъ быстро усвоилъ молодой борець стремленія и духъ своего времени, показываютъ его проекты на первыхъ же порахъ,— проекты стремительные, сокрушительные, истинно кипящіе юношеской удалью и полнымъ забвеніемъ всего, что мы нынѣ называемъ гуманностью. П. Усовъ, авторъ біографіи Мельникова, помѣщенной въ первомъ томѣ, біографіи, прямо безцѣнной по ея наивности и спокойному тону, съ какимъ Усовъ повѣствуетъ о своемъ героѣ, — приводитъ два образчика этихъ проектовъ, одинъ другого превосходнѣе. Занимаясь расколомъ въ Нижегородской губерніи, Мельниковъ замѣтилъ, что нѣкоторые помѣщики, чтобы избавиться отъ раскольниковъ, сдаютъ ихъ въ солдаты, отчего, по ихъ словамъ, расколъ знатно сокращается. Поэтому Мельниковъ внесъ предложеніе вездѣ, гдѣ раскольники живутъ вмѣстѣ съ православными, отдавать въ рекруты первыхъ. Однимъ словомъ, онъ задумалъ, ревнуя о вѣрѣ, превратить ряды русской арміи въ исправительное для раскольниковъ учрежденіе. Мысль эта понравилась нижегородскому губернатору, который внесъ ее и въ свой всеподданнѣйшій докладъ. Но императоръ Николай оказался много сдержаннѣе, чѣмъ юный ревнитель православія и отмѣтилъ на докладѣ: "Сдѣлать объ этой мѣрѣ, соображеніе",— и мѣра,

послѣ нѣкоторыхъ соображеній, осталась не приведенной въ исполненіе.

Другой проектъ Мельникова, ни мало, повидимому, не обезкураженнаго первой неудачей, еще чудовищнѣе. Онъ предложилъ, какъ самое дѣйствительное средство, отбирать у раскольниковъ всѣхъ дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ, совершенныхъ бѣглыми попами, наставниками безпоповщинскихъ сектъ или по родительскому благословенію, словомъ, отъ "браковъ, неизвѣстныхъ правительству", и отдавать такихъ дѣтей въ кантонисты. Кто знаетъ, что такое были въ тѣ времена школы для кантонистовъ, гдѣ тысячи дѣтей застѣкались на смерть, а остальные выходили на всю жизнь искалѣченными физически и нравственно, гдѣ единственнымъ руководствомъ воспитанія служили знаменитыя слова Клейнмихеля: "Сѣките ихъ мерзавцевъ, сѣките на смерть",— тотъ пойметъ, какой ужасъ охватилъ раскольниковъ, когда до нихъ дошелъ слухъ объ этомъ предложеніи Мельникова. Въ раскольничьей средѣ имя его стало скоро произноситься на ряду съ именемъ Антихриста, хотя на верху и на эту мѣру взглянули недостаточно внимательно, и она осталась въ области проектовъ, къ прискорбію ея автора.

Съ меньшимъ усердіемъ выполнялъ Мельниковъ и свои "исслѣдованія", какъ выражается почтительно его біографъ Усовъ. Объ этомъ сохранилась любопытная жалоба какой-то раскольничьей купчихи Головастиковой. Съ мужемъ ея онъ вначалѣ велъ дружбу и вмѣстѣ съ Погодинымъ нерѣд-

ко осматривать его хранилище, гдѣ было много любопытныхъ старыхъ иконъ, книгъ и рукописей, которыми торговаль Головастикивъ. А черезъ нѣсколько лѣтъ жена послѣдняго очень картинно рассказываетъ въ жалобѣ, какъ Мельниковъ, въ отсутствіи ея мужа, производилъ обыскъ у нея въ домѣ. Въ сопровожденіи цѣлой свиты будочниковъ, Мельниковъ втихомолку напалъ ночью на домъ Головастиковой, взялъ его штурмомъ и вошелъ въ числѣ шести человѣкъ "въ нижній этажъ дома, гдѣ Головастикова со своими домашними находилась при больной замужней своей дочери, разрѣшившейся за 18 часовъ передъ тѣмъ отъ бремени". Дѣлая вездѣ обыскъ, Мельниковъ "обратилъ вниманіе и на больную дочь мою,— жалуется мать,— и приступилъ къ осмотру ея постели и чего-то искалъ за нею, на ея кровати, на которой она лежала, да и за оной, держа въ одной рукѣ зажженную свѣчу, и таковымъ неожиданнымъ своимъ дѣйствіемъ привелъ больную въ большее болѣзненное состояніе, и у нея отъ испуга произошла нервическая съ бредомъ лихорадка".

Представимъ себѣ только современнаго писателя, лазящаго со свѣчей подъ кровать, обыскивающаго и ощупывающаго безъ памяти лежащую роженицу, запускающаго безтрепетно лапу въ сундуки и сдирающаго со стѣны иконы — и мы поймемъ, насколько личность Мельникова изъ ряду вонъ выдающаяся, не подходящая подъ наши мѣрки и требующая особаго измѣренія и опредѣленія своей нравственной стороны. И вѣдь, добро бы это былъ фанатикъ, въ пылу сжигающаго его

фанатизма не сознающій, что творить. О нѣтъ! – это былъ истый чиновникъ, всегда держащій носъ по вѣтру и отлично примѣняющійся къ обстоятельствамъ. Когда съ воцареніемъ Алексаядра II повѣялъ иной духъ, Мельниковъ "сдѣлался, по словамъ его наивнаго біографа, жаркимъ сторонникомъ того снисходительнаго образа дѣйствій, который замѣнилъ прежнее преслѣдованіе". Случилась эта крутая перемѣна въ немъ два года спустя послѣ описаннаго обыска у Головастиковой. Нечего, поэтому, и предполагать, будто у Мельникова были свои взгляды или убѣжденія по вопросу о расколѣ. Для него расколъ явился только конькомъ, на которомъ этотъ дошлый малый сдѣлалъ двойную карьеру. Какъ чиновникъ – онъ преуспѣвалъ въ глазахъ начальства, всегда умѣвшаго оцѣнить по достоинству эту талантливую натуру, которую даже не приходилось поворачивать въ ту или иную сторону: Мельниковъ, какъ флюгеръ, самъ поворачивался съ подобострастной готовностью. Сегодня онъ съ яростью вопіялъ: "распни Его! распни!" – а завтра лилъ потоки слезъ и милость къ павшимъ призывалъ. Какъ писатель, онъ тоже не клалъ охулки на руку, и богатый запасъ наблюденій, добытыхъ во время лаязанія со свѣчей подъ кроватями, по чердакамъ и сундукамъ раскольниковъ, чеканилъ въ мѣткія слова и переливалъ въ художественные образы.

Нельзя отказать ему въ разносторонности, отличавшей его въ средѣ чиновниковъ и въ средѣ писателей. Онъ отъ обыска переходилъ къ перу, отъ пера къ обыску, и вездѣ бы-

ль на мѣстѣ. Изъ сыщика по расколу, зорившаго скита, обдиравшаго иконы со стѣнъ и обыскивавшаго бабъ, не скрываютъ ли они плода запрещеннаго, онъ дѣлается соредакторомъ министерскаго органа при Валуевѣ, пишетъ рассказы изъ стараго помѣщичьяго быта на Волгѣ ("Старые годы") и "ученя" изслѣдованія по расколу, гдѣ правда и ложь подогнаны подъ мѣрку устава благочинія, наконецъ, заканчиваетъ свое литературное поприще двумя безспорно выдающимися произведеніями "Въ лѣсахъ" и "На горахъ", гдѣ съ удивительной любовью описываетъ то самое, надъ разрушеніемъ чего такъ усердно поработалъ въ молодости. Но это творчество ни мало не мѣшаетъ ему закончить свою чиновничью карьеру исполненіемъ роли начальника тайной охраны во время нижегородской ярмарки въ 1879 г.

Можно сказать – крѣпкой совѣсти былъ человѣкъ. Онъ не зналъ мучительныхъ сомнѣній раздвоенной личности, не смотря на всю двойственность его жизни и дѣятельности. Гдѣ же причина этой безмятежности? Неужели такъ-таки его

"Совѣсть никогда не грызла, – совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, – совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Займодавецъ грубый: эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяць и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылають?"

На этотъ любопытный вопросъ мы не находимъ никако-

го отвѣта: въ его произведеніяхъ по части совѣсти все обстоитъ благополучно, а его біографъ приводитъ наивно-восторженные отзывы современниковъ, которые могли только усилить благодущіе Мельникова, когда онъ любовно живописалъ своихъ Манефъ и Чануриныхъ, проклинавшихъ его, какъ антихриста, и имѣвшихъ на то всѣ права и основанія. "А теперъ позвольте, г. Андрей Печерскій,— пишетъ одинъ изъ такихъ немудрыхъ цѣнителей и судей,— выразить предъ вами искреннее желаніе, чтобы и вашему художественному возсозданію старыхъ годовъ выпала доля вашего соплеменника Печерскаго Нестора: благородная доля — быть предметомъ уваженія для 800 лѣтъ потомства". Послѣднее едва ли. Даже навѣрное можно сказать, что именно предметомъ уваженія не будетъ ни самъ Печерскій, ни его произведенія, въ которыхъ съ теченіемъ времени все ярче и ярче выступаютъ ихъ недостатки и все скромнѣе достоинства.

О его научныхъ работахъ по расколу можно говорить лишь съ большими оговорками. Въ нихъ нѣтъ ни научнаго безпристрастія, ни желанія критически разобраться въ богатомъ матеріалѣ, который, благодаря условіямъ службы, самъ собою накопился въ рукахъ Мельникова. Говоритъ-ли онъ о раскольникахъ или о сектантахъ, какъ хлысты и молокане, предъ нами не ученый, не безпристрастный изслѣдователь, безкорыстно радующійся новому открытію, а всегда и вездѣ чиновникъ, прежде всего взирающій на начальство, которому онъ во что бы то ни стало стремится угодить. Бранчивый

тонь, прокурорскіе приемы и неблаговидное толкованіе самыхъ глупыхъ слуховъ и толковъ – таковъ Мельниковъ-ученый. Образцомъ его ученой критики можетъ служить ужасное обвиненіе, которое онъ *по слухамъ* возводитъ на хлыстовъ, будто они причащаются тѣломъ младенца, рожденнаго отъ избранной ими въ богородицы дѣвушки. Мельниковъ подробно, съ обстоятельностью, не уступающею добросовѣстности знаменитаго отца Блинова въ его работѣ о человѣческомъ жертвоприношеніи у вотяковъ, – описываетъ всю процедуру причащенія у хлыстовъ и только въ концѣ вскользь бросаетъ замѣчаніе, что "юридически ни разу самый фактъ причащенія тѣломъ младенца установленъ не былъ". Ни гдѣ, ни однимъ словомъ онъ не упоминаетъ, откуда взяты имъ эти подробности, а самое краснорѣчіе описанія внушаетъ даже не критически расположенному читателю подозрѣніе, что все это сплошная выдумка. Если же принять во вниманіе, что подобный вздоръ помѣщался Мельниковымъ въ официальныхъ докладахъ, имѣвшихъ прямое вліяніе на судьбу сектантовъ, то для всякаго, надѣмся, яснымъ становится, какъ велики права Мельникова на "уваженіе 800 лѣтъ потомства". А между тѣмъ, этотъ человѣкъ дѣйствительно зналъ много и могъ бы знать еще больше, но чиновникъ и сыщикъ убили въ немъ научнаго изслѣдователя, и весь этотъ матеріаль, наполняющій три тома въ изданіи его сочиненій, представляетъ теперь научный хламъ, лучше сказать – труху казенщины, отравившей талантливаго человѣка и выѣвшей у

него и душу, и умъ. Да, и умъ, ибо Мельниковъ, при всей даровитости, былъ неумнымъ человѣкомъ. Не смываемая печать пошлости лежитъ на всемъ, что онъ писалъ, на всѣхъ его работахъ по расколу, на его повѣстяхъ и рассказахъ и больше всего на его романахъ "Въ лѣсахъ" и "На горахъ". Сказывается эта пошлость въ любованіи своими подвигами, о которыхъ онъ рассказываетъ въ дневникѣ, напечатанномъ Усовымъ, въ его проектахъ и мѣрагъ противъ раскола. Но сильнѣе всего пробивается она въ тонѣ его художественныхъ произведеній. Такъ, лучшій изъ его небольшихъ рассказовъ "Старые годы", написанный наполовину въ видѣ рассказа отъ лица стараго крѣпостного, весь проникнутъ благоговѣйной восторженностью предъ старымъ временемъ. Если такое настроеніе можно допустить въ старикѣ крѣпостномъ, то тамъ, гдѣ авторъ повѣствуетъ отъ себя, это настроеніе производитъ впечатлѣніе искусственности, выдавая головой авторскій взглядъ и его глубокое пониманіе старины. Въ этомъ отношеніи Мельниковъ напоминаетъ Лѣскова. Какъ и послѣдній, онъ — писатель безъ мѣры и безъ твердаго собственнаго взгляда на вещи. Не онъ матеріаломъ, а матеріаль имъ владѣеть. Онъ не можетъ установить на него определенной точки зрѣнія и сразу впадаетъ въ дѣланную восторженность, переходящую въ его романахъ въ сантиментализмъ и пошловатое восхваленіе якобы народной жизни, которую Мельниковъ не понималъ совершенно, что съ особой очевидностью онъ доказалъ въ двухъ самыхъ крупныхъ своихъ произведеніяхъ "Въ лѣ-

сахъ" и "На горахъ", которыя развѣ по недоразумѣнію можно считать художественнымъ воспроизведеніемъ народнаго быта.

Эти два произведенія, занимающія восемь томовъ въ полномъ собраніи сочиненій Мельникова, сдѣлали его популярнымъ и создали ему огромный кругъ читателей. При первомъ появленіи "Въ лѣсахъ" были встрѣчены восторженно, но теперь, когда прошло четверть вѣка и народная жизнь значительно освящена и беллетристикою Гл. Успенскаго, и рядомъ земскихъ работъ, — намъ уже трудно раздѣлять эти восторги.

Первое, что бросается въ глаза, это языкъ Мельникова, слащавый и дѣланый, какимъ написанъ весь романъ. Можно развѣ подивиться искусству, съ какимъ авторъ выдерживаетъ свою поддѣлку подъ народную рѣчь на пространствѣ двухъ тысячъ страницъ. То онъ поддѣлывается подъ тонъ сказаній, то пишетъ, словно былинку сочиняетъ, то заговорить ломаннымъ полуцерковнымъ языкомъ, неустанно пребывая въ восторженномъ настроеніи.

"Не стучить, не гремитъ, ни копытомъ говорить, безмолвно, безавучно по синему небу стрѣлой каленой несется олень златорогій... Безъ огня онъ горитъ, безъ крыльевъ летитъ, на какую тварь ни взглянетъ, тварь возрадуется... Тотъ олень златорогій — око и образъ свѣтлаго бога Ярилы — красное солнышко.

"Бѣжитъ олень, летитъ златорогій, серебрянымъ копытомъ хочетъ въ воду ступить. И станетъ отъ того вода студена

и пойдеть солнце на зиму, а лѣто на жары.

"Шумить въ лѣсахъ, трещить въ кустахъ, бренчить по травѣ муравѣ звонкокопытный олень. Солнечнымъ лучомъ, что ременнымъ бичомъ, гонить его свѣтоносный Ярило изъ темнаго бора на свѣтлую поляну рода людского моляну... Брать его руками, колоть его ножами и на братчинѣ на Петровщинѣ людямъ ѣсть благодарно моленый кусъ".

Такова "запѣвка" про Ярилу, взятая нами безъ выбора, какъ образчикъ мельниковскаго языка, какимъ написаны двѣ трети книги. "Добрые молодцы", "красны-дѣвицы", "старушки-колотушки" и тому подобные эпитеты щедрой рукой разсыпаны повсюду, уснащаютъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, словно на плохомъ театрѣ, гдѣ для народа дается "народное представление". Къ этому надо прибавить массу мѣстныхъ выражений, чтобы сохранить *couleur locale*, отчего красота ничего не выигрываетъ, а дѣланность языка усугубляется. Намъ трудно понять теперь, что такимъ "штилемъ" могли восторгаться и превозносить его, какъ истинную народную рѣчь. Какъ будто народъ говоритъ подобнымъ языкомъ, напоминающимъ ломающагося актера. Еще тамъ, гдѣ приводятся рѣчи дѣйствующихъ лицъ, языкъ мѣстами живой и образный, хотя и здѣсь чувствуется поддѣлка, а не настоящая народная рѣчь, потому что нельзя представить людей, постоянно говорящихъ напыщеннымъ высокопарнымъ языкомъ. Но когда авторъ описываетъ, эта дѣланность становится невыносимой.

Крупнѣйшій, однако, недостатокъ обоихъ романовъ, особенно "Въ лѣсахъ", составляетъ слащавость въ описаніи быта и взаимныхъ отношеній. Авторъ все время рисуетъ какую-то идиллію, гдѣ лишь изрѣдка проявляются темныя пятна, да и то съ цѣлью отгѣнить "доброжитье" остальной народной массы. Живутъ люди въ Заволжьѣ припѣваючи, сладко ѣдятъ, сладко спятъ, милуются да красныя рѣчи говорятъ. А между тѣмъ описывается самый бѣдный уѣздъ Нижегородской губерніи, гдѣ кулачество расцвѣло самымъ пышнымъ цвѣтомъ. Но у Мельникова фигурируютъ не кулаки, какихъ знаетъ земская статистика, а истинные благодѣтели рода человѣческаго, одинъ другого лучше, одинъ другого краше и добродѣтельнѣе. Самый главный герой, Потапъ Чапуринъ, расписанъ такъ, что лучше и быть нельзя, — и доберъ, и умень, и удачливъ. Въ его лицѣ Мельниковъ хотѣлъ возсоздать истиннаго представителя великороссійскаго племени, легендарнаго героя нашего времени, чистаго сердцемъ, простаго душой, великодушнаго и великоумнаго. Ни южной отрицательной черточки, одно великолѣпіе. Его богатство само плыветъ къ нему, и онъ лишь пожинаетъ плоды своей добродѣтели. Получается типичная суздальская мазня.

Въ Чапуринѣ она еще не такъ претитъ, благодаря интересу, какой возбуждаетъ его дѣятельность и отчасти живость его языка. Но въ обрисовкѣ остальныхъ характеровъ суздальская манера живописи не скрашена ничѣмъ. Ужъ если добродѣтель, такъ безъ сучка безъ задоринки, если красави-

ца, такъ непремѣнно писаная, и т. д. Въ особенности при- торны добрые купеческіе молодцы у Мельникова: для нихъ онъ не жалѣеть красокъ и сотни страницъ посвящаетъ любованію ихъ ухарствомъ, ухаживаніемъ, ихъ сердечной тоскѣ и млѣнію предъ писаными подругами, чему посвящена треть романа "На горахъ". Вообще, этотъ второй романъ несравненно хуже перваго. Старческая болтливость, отъ которой много страдаютъ и "Въ лѣсахъ", здѣсь не знаетъ удержа. Еще когда романъ печатался въ "Рус. Вѣстникѣ", редація изъ всѣхъ силъ боролась съ авторомъ, который просто потоплялъ журналъ обиліемъ ненужныхъ и неинтересныхъ подробностей. Понадобится автору, наприм., описать возникновеніе хлыстовской общины въ одной деревнѣ, и онъ на сотнѣ страницъ рассказываетъ и скучно, и вяло исторію деревни. Тутъ и кулачные бои, и прохожій солдатъ, повѣствующій о солдатской жизни, и любовь разныхъ добрыхъ молодцевъ и красныхъ дѣвиць.

Не высока мораль, которую проводитъ авторъ подъ видомъ якобы мудрости народной. Поклоненіе богатству, преклоненіе предъ силой, восхваленіе ловкой хитрости и удачливаго обмана – вотъ и все, что составляетъ идеалы Мельникова. Они такъ примитивны и такъ животны, что вся несложная философія автора выступаетъ какъ на ладони. Онъ является не прикрытымъ хвалителемъ купческаго сословія въ первой стадіи его развитія, когда преобладающимъ въ немъ элементомъ выступаетъ хищничество, которое восхищаетъ

Мельникова, какъ явныйъ признакъ силы и могущества. Стоитъ прочесть, съ какимъ смакованіемъ онъ расписываетъ разные подвохи въ этой средѣ, какъ восхищается пирами и ликованіями по поводу ловкой штуки того или иного удалого грабителя. Его ни мало не смущаютъ средства, и читатель чувствуетъ все время, что симпатіи автора всецѣло на сторонѣ удачи.

Но этими чисто отрицательными сторонами не ограничивается творчество Мельникова, и если бы только въ этомъ заключалось значеніе его произведеній, о немъ давно уже забыли бы. Положительное и несомнѣнное достоинство его двухъ большихъ романовъ заключается въ художественномъ описаніи раскольничьихъ скитовъ и въ созданіи цѣлаго ряда раскольничьихъ типовъ. Эту жизнь Мельниковъ не только хорошо зналъ, но и сумѣлъ ее описать. Вездѣ, гдѣ онъ рассказываетъ про скиты и ихъ обитателей, онъ разомъ оживляется, становится интересенъ, уменъ и умѣетъ увлечь читателя. Даже длинноты, и здѣсь дающія себя чувствовать, не мѣшаютъ общему интересу разсказа, а художественность типовъ мѣстами указываетъ, какимъ описательнымъ талантомъ обладалъ Мельниковъ. Его мать Манефа, Фленушка, рядъ скитницъ и московскій начетчикъ, пріѣзжающій въ скитъ, останутся навсегда достояніемъ русской художественной литературы. Ни до него, ни послѣ этотъ своеобразный бытъ не былъ затронутъ съ такой полнотой художественнаго изображенія, раскрывшаго цѣлый міръ типовъ, цѣльныхъ, крѣп-

кихъ натуръ, съ которыми по образности и жизненности могутъ соперничать только типы Островскаго. Мельникову не достаетъ только глубины послѣдняго. Низменность натуры художника-сыщика, узость взгляда и присущая Мельникову пошловатость не дали ему возвести свои типы въ "перль созданія", каковы типы Любима Торцова, Китъ Китыча или Кабанихи у Островскаго.

Читая эти превосходныя страницы описанія скитовъ и ихъ обитателей, испытываешь жгучее сожалѣніе, что художникъ Мельниковъ не выбился изъ подъ всяческаго хлама, какимъ завалила его душу казенщина. Чиновникъ и художникъ не совмѣстимы, и одинъ непременно задавить другого. Щедринъ понялъ это и во время сбросилъ съ себя мертвящее иго чиновничества. Мы бы никогда не имѣли ни "Головлевыхъ", ни "Пошехонской старины*", если бы Щедринъ не сдѣлалъ этого рѣшительнаго шага въ началѣ шестидесятихъ годовъ. У Мельникова не хватило на это силы, хотя и онъ временами сознавалъ, что его литературная дѣятельность несовмѣстима съ его оффиціальными обязанностями, которыя, по его словамъ, не давали "необходимаго спокойствія духа" и – мы добавимъ – свободы духа, чего всегда не доставало Мельникову. Сплошь и рядомъ чувствуется недоговоренность, желаніе прикрыть и то, и другое, что могло бы послужить для очень и очень яркой картины. Таковы, напр., отношенія администраціи къ скитамъ, о чемъ только вскользь упоминается, но нигдѣ лица администраціи не дѣйствуютъ, какъ са-

мостоятельные персонажи. Точно такъ же финаль скитовъ сухо разсказанъ на нѣсколькихъ страничкахъ, хотя именно сцена закрытія могла бы послужить для художественно-бытовой картины. Положимъ, Мельникову пришлось бы тогда описывать собственные некрасивые подвиги, слава о которыхъ до сихъ поръ держится въ Семеновскомъ уѣздѣ. Такого самоотверженія трудно было бы ожидать отъ человѣка, всю жизнь служившаго не истинѣ, а видамъ начальства и согласно имъ мѣнявшаго взгляды и убѣжденія.

Но это-то и лишаетъ произведенія Мельникова значенія классическихъ, которыя для всѣхъ временъ были поучительны и интересны, какъ напр., творенія Тургенева или Островскаго. Талантъ Мельникова не настолько обширенъ, чтобы окупить недостатокъ правдивости и ума, если вообще подобный недостатокъ можетъ быть чѣмъ-либо окупаемъ. Его талантъ чисто описательнаго свойства. Схватить особенно яркія бытовые черты, подмѣтить вѣрно мѣстныя особенности и нарисовать живую бытовую сцену – вотъ и все, на что способенъ Мельниковъ. Но если онъ пробуетъ заглянуть въ душу своихъ героевъ, пытается представить всю сложность борьбы различныхъ душевныхъ настроеній, – всякій разъ получается плачевнѣйшее фіаско. Послѣ превосходнаго, напр., описанія ветлужскихъ лѣсовъ и артелей лѣсныхъ рабочихъ, просто комичное впечатлѣніе производятъ его любовныя сцены между добрыми молодцами и разными красными дѣвицами. Мало того, и самыя его описанія

не столько художественны, сколько вѣрны дѣйствительности: онъ скорѣе талантливый фотографъ, чѣмъ художникъ. Насколько, напр., хороши его описанія керженскихъ скитовъ, которые онъ видѣлъ и изучилъ во время учиняемаго имъ разоренія, настолько блѣдны, выдуманнны и мертвы его сцены изъ жизни хлыстовской общины. Чувствуется грубая фальшь на каждомъ шагу и полное безсиліе понять хлыстовскихъ сектантовъ, которыхъ онъ не видѣлъ и описывалъ по слухамъ, на основаніи нелѣпыхъ данныхъ обвинительныхъ актовъ, составленныхъ такими же, не по разуму усердными сыщиками, какимъ былъ онъ самъ. Онъ здѣсь становится скучнымъ, расплывается въ длиннѣйшихъ подробностяхъ, не можетъ охватить главнаго, установить центра, около котораго могъ бы сосредоточить повѣствованіе. Получается смѣшное заключеніе, что въ хлыстовскіе корабли идутъ всѣ поврежденные въ умѣ, дѣвицы, потерпѣвшія крушеніе въ сердечныхъ дѣлахъ, и юродивые. Мельниковъ просто набралъ разные факты обвинительныхъ актовъ, не смогъ ихъ соединить общей идеей и согрѣть художественнымъ пониманіемъ, потому что художника въ немъ не было, а былъ лишь этнографъ, испорченный прокурорскими навыками.

Такова эта оригинальная фигура въ русской литературѣ. Трудно сравнить его съ кѣмъ-либо, что подчеркиваетъ его самобытность и цѣльность. Ближе всего онъ подходит къ Далю, съ которымъ имѣетъ много общаго по матеріалу, надъ которымъ работалъ. Какъ и Даль, онъ хорошо зналъ нѣко-

торыя мѣстныя нарѣчія и особенности великорусскаго племени и далъ кое-что для разработки русскаго языка, въ который внесъ нѣсколько оригинальныхъ и мѣткихъ выражений. Отчасти онъ напоминаетъ Лѣскова своею анекдотичностью, неумѣніемъ овладѣть матеріаломъ и отсутствіемъ своихъ взглядовъ и убѣжденій. Но въ концѣ-концовъ, онъ далъ немного и меньше всего можно сопоставлять его съ такими художниками, какъ Тургеневъ и Островскій. Значеніе Мельникова уже теперь ничтожно, а въ будущемъ онъ перейдетъ окончательно въ разрядъ забытыхъ писателей, имѣвшихъ въ свое время значеніе, съ тою лишь разницей, что о немъ меньше всего можно будетъ сказать "уважаемый" и "почтенный", такъ какъ никогда не будетъ забыта его дѣятельность въ керженскихъ лѣсахъ, столь хорошо имъ описанныхъ въ послѣдствіи.

Июль 1899 г.